

В.А. Ильиных

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАКУПКИ ХЛЕБА В СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА (1921—1928 гг.)

Весной 1921 г. большевистский режим отменил государственную хлебную монополию. Государство становилось теперь собственником не всего произведенного зерна, а только его части, отчуждаемой в форме фиксированного натурального налога. В свою очередь крестьяне получили право свободной продажи оставшихся у них после уплаты продналога излишков хлеба на рынке. В январе 1924 г. натуральный налог был упразднен и купля-продажа стала абсолютно преобладающей формой хлебооборота¹. Однако, осуществив переход к рынку, советская власть не отказалась от своего права оперировать на нем в качестве покупателя и никогда не снимала с повестки дня задачу сосредоточения в своих руках максимально возможных объемов рыночного предложения хлебопродуктов.

Исходя из ведущей роли государства на хлебном рынке, в настоящей работе рассматриваются ход и результаты централизованных закупок зерна в 1921—1928 гг. в Сибири, а также экономические и политические особенности отдельных заготовительных кампаний. При этом под централизованным хлебозакупом понимаются закупки по государственному или региональному заданию (плану), осуществляемые уполномоченными на то заготовительными организациями.

Переход от продразверстки к продналогу был декларирован 15 марта 1921 г. в известной резолюции X съезда РКП(б)², а затем законодательно оформлен декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом»³. 28 марта 1921 г. СНК РСФСР принимает декрет «О свободном обмене хлеба, зернофуража, картофеля и сена в губерниях, закончивших разверстку»⁴. Исходя из его основных положений, а также директивы ЦК РКП(б), Сибревком своим постановлением от 30 марта разрешил обмен, продажу и покупку хлеба лишь в уездах, выполнивших разверстку не менее, чем 75%. К таковым относились Бийский и Змеиногорский уезды Алтайской губернии, Акмолинский, Атбасарский, Калачинский, Тарский и Татарский – Омской, Красноярский – Енисейской, Барабинский и Щегловский – Томской, а также все уезды Иркутской губернии. Переход к обмену и торговле на остальной территории региона увязывался с результатами сбора разверстки⁵.

Однако свобода хлебооборота ограничивалась и в тех районах, в которых продрозверстка отменялась. Покупка хлебопродуктов в них частным лицам разрешалась лишь в пределах местного оборота и для удовлетворения местных нужд. Их перевозка по железным дорогам допускалась только с санкции соответствующих государственных органов. Частным лицам разрешалось перевозить хлеб в пределах багажных или пассажирских норм. Монополия на внеалоговый межрайонный оборот сельхозпродукции передавалась в руки потребительской кооперации. Рабочие кооперативы и государственные учреждения, нуждавшиеся в дополнительных, помимо получаемых через систему госснабжения, объемах продовольствия, обязывались заключать договоры на его поставку с Центросоюзом или, с санкции последнего, с областными и губернскими потребительскими обществами.

Центросоюз получил задание вести внеалоговые заготовки для государственных нужд⁶. Его заготовительная программа разверстывалась по нижестоящим отделениям и союзам, вплоть до низовой сети. В своей деятельности потребительская кооперация не была свободна и находилась под жестким контролем соответствующих государственных органов, прежде всего Наркомпрода и местных продкомов. Выполняя в первую очередь задание Центра, потребкооперация обязывалась вести заготовки исключительно путем прямого товарообмена по соотношению обменных эквивалентов (цен) 1:3, в соответствии с которыми закупочные цены на сельхозпродукцию должны были быть равными их довоенному уровню, а на промтовары – превосходить его в 3 раза.

Подобная схема организации внеалогового оборота сельскохозяйственной продукции принималась большевистским руководством на длительную перспективу. Доказательством этого служит нормативное ужесточение монополии потребительской кооперации на внеалоговые продовольственные заготовки летом 1921 г. после того, как ряд рабочих кооперативов попытался самостоятельно, минуя Центросоюз, областные и губернские потребительские общества, выйти на рынки производящих районов, включая Сибирь⁷.

Монополия потребкооперации на централизованные внеалоговые заготовки показала свою полную несостоятельность. До 1 сентября 1921 г. Сибцентросоюзу удалось собрать 222 тыс. пудов хлебопродуктов, что составляло всего лишь 1,9% от полученного им задания⁸. Основная причина подобного провала заключалась в нежелании крестьян обменивать излишки продукции, объемы которых

были крайне невелики, по низким и не соответствующим рыночному уровню эквивалентам. Не удовлетворял крестьян ассортимент и качество предлагаемых к обмену промтоваров. Кроме того, крестьяне, имея запасы хлеба, образовавшиеся в результате утайки от продразверстки, не желали их сдавать государству, опасаясь конфискации. А многие комячейки, сельсоветы и волисполкомы продолжали реквизировать у крестьян продукты, которые они могли вывезти на рынок. Подобные действия местных властей приобрели столь широкие масштабы, что Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком и Сибпродком в середине июля 1921 г. были вынуждены специально обратиться к губкомам компартии, губисполкомам и губпродкомам с требованием добиться их полного прекращения⁹.

Гораздо успешнее действовали частные скупщики. Не стесненные ценовыми и организационными ограничениями и предпочитая бартерным операциям торговлю за деньги, они закупали большую часть предлагаемых на рынке хлебопродуктов, вывозя их за пределы региона гужевым транспортом. Только из Омской губернии мешочники и частные скупщики за июль–август 1921 г. вывезли около 500 тыс. пудов хлеба¹⁰.

Недостаток продовольствия, получаемого в централизованном порядке, вынудил власти пойти на частичную либерализацию рынка. В начале августа 1921 г. СНК разрешил потребительской кооперации, *«где это возможно и выгодно»**, переходить к денежной форме обмена. В октябре все государственные учреждения и кооперативы получили право в случае невозможности заключения договоров с потребкооперацией или невыполнения таковых с ее стороны вести самостоятельные заготовки на вольном рынке или обращаться к другим контрагентам, в том числе (*«в крайнем случае»*) и к частным лицам. Отменялся обязательный эквивалент 1:3, а заготовительные организации получили право устанавливать закупочные цены и обменные эквиваленты по соглашению с заказчиком, учитывая при этом среднерыночные цены соответствующих районов¹¹.

Избавив организации, нуждавшиеся в продовольствии, от необходимости заключения договоров с потребкооперацией, власти не освободили последнюю от обязательств перед государством. Сибцентросоюз получил *«ударное задание»* приобрести для продорганов 7 млн пудов хлебопродуктов¹². С тем чтобы создать

---

* Здесь и далее курсивом выделены цитаты из документов. При этом все языковые погрешности и стилиевые особенности цитируемого текста передаются дословно, без исправлений и перевода на современное правописание. — В.И.

условия для его выполнения, декретом СНК от 18 октября 1921 г. Алтайская и Омская губернии бронировались исключительно для заготовок потребсоюзов¹³. Несмотря на это, централизованные вненалоговые заготовки проходили неудовлетворительно. Заготовительная программа Сибцентросоюза, в которую помимо государственного задания вошли его договорные обязательства с различными государственными и кооперативными учреждениями и организациями (2,5 млн пудов), к 1 января 1922 г. была реализована на 32%¹⁴.

На слабый ход заготовок в первую очередь влияли особенности продналоговой кампании 1921/22 г. По Сибири в целом сумма первого продналога составляла примерно 58% к фактически выполненной продразверстке. Однако в связи с падением сельскохозяйственного производства (снижение валового производства зерновых в регионе в 1921 г. по сравнению с 1920 г. составило 27%) уровень обложения сибирского крестьянства не только не уменьшился, но даже несколько увеличился. Если по продразверстке крестьяне сдали государству 11 условных ржаных единиц с одной десятины посева, то по продналогу – 12 ржаных единиц. В среднем по стране по хлебному налогу отчуждалось 12–13% от валового сбора, в Сибири – около 20%, на Алтае – 30%¹⁵.

Для обеспечения выполнения завышенного налогового задания во многих районах Сибири вводился запрет на хлебную торговлю. Исключение не составляли и районы, забронированные для заготовок потребкооперации. Так, в декабре–январе 1922 г. для всех форм обмена были закрыты наиболее урожайные районы: Славгородский, Каменский и Калачинский уезды, вся Акмолинская и часть Енисейской губернии¹⁶. Кроме того, местные продорганы практиковали самоуправный запрет товарообмена и даже конфискацию закупленного кооперацией хлеба.

Неудовлетворительно проходили вненалоговые заготовки потребкооперации и в районах, в которых они были официально разрешены. Кооперация, согласно договору, заключенному с Наркомпродом в начале ноября 1921 г., могла корректировать закупочные цены раз в месяц. Рыночные же цены на хлебопродукты росли едва ли не ежедневно, и уровень кооперативных цен постоянно от них отставал. Вследствие этого крестьяне либо стремились продать свои небольшие товарные излишки частникам, либо задерживали их реализацию в надежде на дальнейший рост цен.

Советское государство, неспособное удовлетворить даже минимальные потребности населения голодающих регионов в

продовольствия, с февраля 1922 г. было вынуждено пойти на достаточно радикальную демонаполизацию рынка. Снимались ограничения на свободу торговли, в том числе бронирование вышеуказанных губерний под внеалоговые заготовки потребкооперации. Разрешался свободный вывоз продовольствия из производящих районов. Право вести самостоятельные заготовки сельхозпродукции по свободным ценам получили промышленные предприятия, которые (за исключением оборонных заводов) были сняты с государственного продовольственного и сырьевого снабжения¹⁷.

Весной 1922 г. начался процесс разгосударствления мукомольной промышленности, значительная часть ранее национализированных мелких предприятий которой передавалась исполкомам местных Советов, кооперации или возвращалась прежним владельцам. Многие из них сдавались в частную аренду. Предприятия, оставшиеся в ведении государства, а также государственные заготовительные организации переводились на хозрасчет. Децентрализовывалась кооперативная система, взаимоотношения внутри которой стали строиться на коммерческой договорной основе. При этом низовые кооперативы получали право свободного выбора торговых партнеров. Воссоздавалась ранее включенная в потребительскую специализированная сельскохозяйственная кооперация. В мае 1922 г. произошла законодательная легализация частного капитала.

Либерализация рынка отрицательно сказалась на заготовках сибирской потребительской кооперации. Сразу же после разрешения свободной торговли в ранее закрытых районах туда устремилось множество самых разнообразных инорайонных государственных и кооперативных организаций и учреждений. Все они везли с собой деньги и имеющиеся у них запасы товаров с единственной целью – во что бы то ни стало и не останавливаясь ни перед какими ценами, приобрести продовольствие для своих голодающих работников. В деревне излишки хлеба были практически исчерпаны. Цены на него росли с головокружительной быстротой. В создавшихся условиях местная кооперация не выдерживала конкурентной борьбы.

В итоге Сибцентросоюзу удалось заготовить 5,3 млн пудов хлебопродуктов. Из этого количества 4,7 млн пудов было передано продорганам (70% «ударного задания»)¹⁸. По нашим оценкам, частные, децентрализованные государственные и кооперативные закупки и непосредственное приобретение хлеба населением в 1921/22 г. составили в Сибири не менее 4 млн пудов. По продналогу в Сибири

собрали 35 млн пудов. Еще 2 млн пудов дал возврат семсуды и 0,8–0,9 млн – промысловый сбор¹⁹.

Ускорившийся зимой–весной 1922 г. процесс демополизации заготовительного рынка завершен не был. Значительная часть произведенного крестьянами зерна продолжала отчуждаться государством по натуральному налогу. Более того, с лета 1922 г. наметились некоторые тенденции к ремонополизации рынка. На базе торгово-закупочного отдела Наркомпрода была создана крупная государственная заготовительная организация – акционерное общество «Хлебопродукт». На него, а также на потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию возлагалась задача проведения закупок хлеба для государственных нужд. Для координации деятельности государственных и кооперативных заготовительных организаций и общего регулирования рынка в мае 1922 г. Совет труда и обороны учреждает Комиссию по внутренней торговле (Комвнутторг СТО). На местах ее функции первоначально возлагаются на областные и губернские экономические совещания. В январе 1923 г. создаются областные и губернские комиссии по внутренней торговле. Вопросами регулирования хлебного рынка должен был заниматься особоуполномоченный СТО по реализации урожая, а с апреля 1923 г. – Особая полномочная комиссия по восстановлению и развитию хлебной торговли (Осполком СТО).

Накануне заготовительной кампании 1922/23 г. ЦК РКП(б) сформулировал следующие цели государственной политики на хлебном рынке: *«Увеличенное производство хлебных продуктов в этом году должно быть использовано в смысле увеличения хлебных ресурсов, в первую очередь, в руках государства. Развитием государственных хлебных заготовок, успехами государственной закупки хлеба, по сравнению с частными скупщиками, будут измеряться успехи социалистического строительства и упрочения Советской власти»*²⁰. Кроме того, ставилась задача поддержания закупочных цен на низком уровне. 24 августа 1922 г. И.В. Сталин в шифротелеграмме предписал губкомам РКП(б): *«Вести политику на понижение цен на хлеб, памятуя, что высокие цены на хлеб грозят сокращением будущего хлебного фонда в руках государства и понижением жизненного уровня рабочего класса»*²¹.

Тем не менее степень демополизации заготовительного рынка в большинстве регионов страны в 1922/23 г. оставалась достаточно высокой. Увеличились как абсолютные, так и относительные объемы рыночной реализации хлебопродуктов. Их заготовками свободно занималось большое количество крупных и мелких государственных и

кооперативных торгово-закупочных организаций. Велика была роль частного капитала. Доля частных торговцев в закупках хлеба в масштабах всей страны составила за год от 66 до 73%²². В целом рыночным оставался и механизм образования хлебных цен. Государство регулировало их уровень преимущественно экономическими методами. В случае признанного нежелательным роста цен производилась массовая реализация («интервенция») на потребительском рынке продукции, полученной по натуральному налогу.

Ситуация в Сибири имела принципиальные отличия. Если в большинстве регионов страны в 1922 г. началось восстановление аграрного производства, то сельское хозяйство Сибири находилось в состоянии глубокого кризиса. Валовое производство зерновых по сравнению с 1921 г. снизилось на 15%²³. Высоким оставался уровень отчуждения зерна по натуральному налогу. В связи с этим объемы товарного предложения хлеба в регионе были минимальными. Государственные, кооперативные и частные торгово-закупочные организации из потребляющих районов игнорировали бедный сибирский рынок, и он оказался изолированным от общероссийского.

Сибирские государственные и кооперативные заготовители, не имея собственных средств и не получая финансовой и материально-технической поддержки из Центра, попали в жесткую зависимость от властей региона, которые фактически провели ремонополизацию хлебного рынка. Согласно принятому в начале сентября 1922 г. решению Сибревкома, всем организациям и учреждениям, нуждающимся в хлебе, предписывалось приобретать его у областной конторы акционерного общества «Хлебопродукт» или губернских союзов потребительской кооперации, которым передавалась монополия на закупки зерна для государственных нужд. Использование услуг частных посредников категорически запрещалось. Право на предоставление вагонов под хлебные грузы получали только те организации, которые исполняли указание Сибревкома²⁴.

С целью контроля за принятым решением и согласования вопросов, связанных с хлебозаготовками, создавались сибирская и губернские «пятерки» по реализации урожая²⁵. К нарушителям введенных запретов применялись административные меры воздействия. «Сибпятерка», несмотря на протесты центрального правления Госбанка, сняла с рынка его областную контору, которая стала вести самостоятельные закупки хлеба, пользуясь при этом услугами частных контрагентов²⁶. В борьбе с частным капиталом местные власти часто

шли на нарушение закона, подвергая арестам частных хлебоотроговцев²⁷.

Властные структуры Сибири осуществляли административное вмешательство и в процесс ценообразования. В начале сентября 1922 г. «сибпярка» ввела на территории региона жестко контролируемые предельные заготовительные цены на хлебобродукты (максимальные лимиты)²⁸. Подобная практика вызвала осуждение Центра. В ноябре 1922 г. СТО своим постановлением лишил местные власти права установления предельных закупочных цен и отменил уже введенные лимиты. Впредь предельные цены разрешалось применять лишь в крайнем случае в виде временной меры и только с санкции особоуполномоченного СТО по реализации урожая²⁹.

Отмена лимита не оказала влияния на динамику цен. Несмотря на то, что товарные излишки зерна в регионе были минимальными, здесь отсутствовали как средства, так и необходимость в их закупке. Хлеб из региона не вывозился, а внутренний спрос в значительной степени удовлетворялся за счет продналога. В результате в Новониколаевской, Омской и Енисейской губерниях рыночные цены на рожь в январе 1923 г. были ниже цен августа 1922 г. соответственно в 4,6; 3,6 и 4,1 раза, на пшеницу – в 3,7; 3,6 и 2,5 раза³⁰.

В связи с отсутствием у государственных и кооперативных заготовительных организаций необходимых финансовых и материально-технических возможностей объемы их хлебозаготовительной деятельности в регионе были достаточно скромными. «Сибхлебобродукт», Сибцентросоюз, губсоюзы потребкооперации и мельотдел Сиббродкома в 1922/23 г. приобрели на рынке 5,4 млн пудов хлеба. Частные и децентрализованные государственно-кооперативные закупки были минимальными. В счет натурального налога сибирские крестьяне сдали 31,7 млн пудов хлебобродуктов³¹.

С тем чтобы преодолеть заготовительную депрессию, Сибревком летом 1923 г. принял решение о снятии существующих ограничений торгово-закупочной деятельности. Право заготовок в регионе получили все желающие. Запрещалось применение административных мер по отношению к частному капиталу, а основным методом борьбы с ним называлась «здоровая конкуренция». С целью изыскания дополнительных средств для финансирования закупок при Сибревком создается специальная финансовая комиссия, а «сибпярка» упраздняется. При этом право первоочередного кредитования получили наиболее крупные государственные и кооперативные заготовительные организации (основные заготовители)³².

Осенью 1923 г. принятые меры к желаемым результатам не привели. Несмотря на то, что в этом году в регионе прекратилось падение сельхозпроизводства и наметился его рост (увеличение валового производства зерновых составило 34%³³), положение в аграрном секторе экономики края оставалось неблагоприятным. Его доля в товарных излишках зерна не превышала 2% от общего их объема в целом по стране³⁴. В условиях, когда в европейской части СССР, в отличие от Сибири, зерна в руках заготовителей было в избытке, они по-прежнему игнорировали сибирский рынок. Сибирь не включили в общесоюзный план хлебозаготовок. В связи с этим централизованных кредитов регион не получил, а внутренних финансовых ресурсов катастрофически не хватало. В результате платежеспособный спрос на хлебопродукты свелся к минимуму. Тем более, что часть потребностей городского населения в них по-прежнему удовлетворялась за счет натурального налога. Одновременно, вследствие начавшихся восстановительных процессов в сельском хозяйстве, выросло предложение зерна. Крестьяне, остро нуждавшиеся в деньгах для покупки промтоваров и уплаты денежных налогов, увеличили его вывоз на рынок. В итоге наметившаяся летом 1923 г. тенденция к росту закупочных цен в Сибири осенью сменилась их падением.

Крайне низкий уровень хлебных цен держался и в других районах страны. В то же время государство инициировало существенный рост промышленных цен. К октябрю 1923 г. цены на сельхозпродукцию в Сибири составляли 58%, а цены на промтовары – 162% от довоенного уровня³⁵. Как следствие, снизилась покупательная способность крестьянства и возник кризис сбыта промышленной продукции. Низкий уровень закупочных цен подрывал стимулы к расширению крестьянского хозяйства. Отношение к советской власти со стороны сельских жителей ухудшилось. Чтобы не допустить приостановки восстановительных процессов в аграрном производстве и снять политическое напряжение в деревне, государство предприняло ряд мер к исправлению ситуации.

В административном порядке снижались цены на промтовары. С целью расширения спроса на зерно существенно расширился его экспорт. Эту же цель преследовала отмена с января 1924 г. натурального налога. Увеличилось кредитование торгово-закупочной деятельности государственных и кооперативных заготовительных организаций. Начавшееся вследствие принятых мер увеличение закупочных цен с начала 1924 г. распространилось и на Сибирь.

Цены на хлеб росли и в связи со снижением его предложения. Сельские товаропроизводители вначале вследствие недовольства их низким уровнем, а затем – уловив тенденцию к изменению конъюнктуры, сократили вывоз зерна на рынок. При этом большая часть его запасов сосредоточивалась у зажиточных крестьян, которые имели возможность задерживать реализацию, твердо надеясь на дальнейшее повышение цен.

Повсеместный рост хлебных цен вскоре создал перед государством серьезные проблемы. Падение курса иностранной валюты по отношению к червонцу привело к тому, что закупочные цены на хлебопродукты приблизились к их реализационной цене за границей. Нерентабельность экспорта могла свести на нет результаты только что проведенной денежной реформы. А высокие цены на продукты питания вызвали социальную напряженность в городах. В связи с этим советское руководство приняло курс на снижение уровня сельскохозяйственных цен.

Кредитование заготовок и объемы экспорта сокращались. В города и регионы, испытывавшие дефицит продовольствия, форсированно перебрасывались зерно и мука из накопленных за счет натурального налога государственных запасов для массовой реализации по демпинговым ценам. Государственным и кооперативным заготовительным организациям были даны директивы о снижении закупочных цен до устанавливаемых максимальных пределов (ориентировочные лимиты). Выше этих цен вести заготовки не рекомендовалось. Ограничивалось количество организаций, которым разрешалась закупка продукции у производителей. Если центральные органы государственного управления сочетали экономические и административные методы регулирования рынка, то в Сибири предпочтение отдавалось административным. В начале марта 1924 г. в регионе были введены не ориентировочные лимиты, а жестко контролируемые предельные цены³⁶. В результате принятых мер хлебные цены как в целом по стране, так и в Сибири начали снижаться. В связи с этим их лимитирование было отменено.

В целом за 1923/24 г. государственные и кооперативные заготовительные организации закупили на территории Сибири 15,3 млн пудов хлебопродуктов³⁷. На долю частного капитала приходилось от 1 млн до 3 млн пудов. 5–6 млн пудов приобрели городские жители региона непосредственно у крестьян. Удельный вес централизованного государственно-кооперативного заготовительного аппарата в обороте хлеба в Сибири (без натурального налога, по которому государство получило 6,4 млн пудов зерна) составил от 61 до

69%. В целом по стране в централизованном порядке было закуплено от 46 до 53% товарного предложения хлебопродуктов³⁸.

Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. началась в условиях продолжающегося восстановления зернового производства. Увеличение размеров посевных площадей позволяло ожидать, что осенью может быть собран неплохой урожай. Однако в середине лета конъюнктура заготовительного рынка СССР коренным образом изменилась. Неурожай в шести и частичный недород в семи губерниях европейской части страны создали угрозу непредсказуемого роста сельскохозяйственных цен, способного поколебать госбюджет, стабильность червонца, понизить уровень жизни горожан. В то же время натуральный налог с января 1924 г. был отменен, и государство лишилось возможности реализации на рынке получаемого по налогу дешевого хлеба.

Для предотвращения неконтролируемого роста цен советское руководство решило вернуться к практике их лимитирования. Сокращалось число государственных и кооперативных организаций, на которые разверстывался общегосударственный план закупок. Только эти организации, получившие статус основных плановых заготовителей, должны были в предстоящую кампанию финансироваться государством.

Реорганизовывалась структура государственного управления хлебного рынка. Особая полномочная комиссия по восстановлению и развитию хлебной торговли при СТО была ликвидирована. Задача регулирования рынка возлагалась на созданный в мае 1924 г. Наркомвнуторг СССР и сформированное в его составе хлебофуражное управление, в функции которого входило введение лимитов, разработка общегосударственных заготовительных планов и их распределение по территориям, организациям и промежуточным срокам выполнения. В качестве органа, координирующего централизованный хлебозакуп, при наркомате был создан Хлебный комитет. В его состав вошли представители самого Наркомвнуторга, союзных наркоматов внешней торговли, финансов и земледелия, Госбанка СССР и основных плановых государственных и кооперативных заготовительных организаций. В ведение комитета, имеющего совещательный характер, вошла разработка законопроектов, планов и системы мероприятий, связанных с организацией и ведением централизованных хлебозаготовок³⁹. Аналогичные комитеты были созданы при наркомторгах союзных республиках. В регионах те же функции выполняли «хлебные совещания». В начале сентября 1924 г. было создано «особое хлебное совещание» при Сибревкоме.

Определенной гарантией успеха государственной политики регулирования рынка в 1924/25 заготовительном году, по мнению руководителей советской экономики, был хороший урожай, собранный на востоке страны, тем более, что хлебные цены в 1923/24 гг. держались там на достаточно низком уровне. В Сибири валовое производство зерновых увеличилось более чем на четверть⁴⁰, и закупленный там в большом количестве дешевый хлеб мог стабилизировать обстановку в неурожайных и потребляющих регионах. В связи с этим на Сибирь был разверстан значительный государственный план хлебозаготовок (44,3 млн пудов⁴¹), его выполнение объявлялось ударной задачей, на основных заготовителей возлагалась ответственность за своевременное снабжение их сибирских контор деньгами и материальными ресурсами.

Несмотря на увеличение финансирования, централизованные заготовки в августе 1924 г. в Сибири проходили неудовлетворительно. Урожай еще не был собран. Спрос же на хлебопродукты повысился, и цены на них стали расти. Увеличение хлебных цен не остановило введение максимальных лимитов. Ввиду необходимости срочного проведения закупок семян озимых зерновых культур для снабжения ими пострадавших от засухи районов они постоянно повышались. Продолжался рост хлебных цен и в европейской части страны. В связи с этим было принято решение о их существенном снижении. В конце августа Наркомвнутторг СССР отдал распоряжение резко снизить лимиты закупочных цен на зерно. В Сибири 29 августа были установлены лимиты на пшеницу в размере 80 коп. за пуд, на рожь – 55 коп. 6 сентября они были снижены до 65–70 коп. на пшеницу и до 45–50 коп. на рожь. В то же время в августе среднемесячные закупочные цены основных государственных и кооперативных заготовительных организаций на указанные культуры составляли в регионе соответственно 1 руб. 10 коп. и 67 коп. за пуд⁴².

Введение устанавливаемых в центре жестких лимитов понизило общий уровень хлебных цен, но практически парализовало централизованные заготовки. Крестьяне стремились продать свою продукцию частникам, которые предлагали за нее сравнительно невысокие, но все-таки превосходящие лимитный уровень цены. Особенно интенсивно частные торговцы работали на западе края. В Омской губернии осенью 1924 г. ими закупалось до половины всего вывозимого на рынок зерна. В целом по Сибири доля частного капитала в хлебозакупке до января 1925 г. составила от 15 до 20%⁴³.

Превышали лимиты и наводнившие сибирский рынок представители государственных и кооперативных торгово-закупочных

организаций из остро нуждавшихся в продовольствии районов европейской части страны, которые не были включены в состав основных. Не имея возможности для развертывания собственной заготовительной сети, они пользовались услугами частников. Многие местные низовые кооперативы и их районные объединения продавали закупленную у производителей продукцию, минуя основные заготовительные организации, по ценам, превышавшим лимитный уровень. В восточных губерниях края, где частников и инорайонных заготовителей было мало, крестьяне вообще воздерживались от продажи зерна. В Иркутской, Енисейской и Томской губерниях к 1 ноября годовой план централизованного хлебозакупа был выполнен на 4%. В целом по Сибири к 1 ноября закупки основных государственных и кооперативных заготовительных организаций составили 3,5 млн пудов (53% календарного задания)⁴⁴.

Слабый ход хлебозаготовок в Сибири ставил под угрозу снабжение потребляющих районов страны и поэтому как центральными, так и местными органами власти был признан недопустимым. Главными виновниками подобного положения были названы частные и инорайонные заготовители. Не имея возможности бороться с частным капиталом экономическими способами, государство переходит к административным методам его ограничения.

В конце сентября вводится запрет на выдачу Госбанком кредитов под хлеб частным лицам, а НКПС получает задание установить на железной дороге такую очередность погрузки хлебопродуктов, которая способствовала бы быстрейшему продвижению государственного и кооперативного хлеба в ущерб частному⁴⁵. Сибирские власти пошли еще дальше. В конце октября Сибревком разослал на места секретный циркуляр, запрещающий подачу вагонов под частные хлебные грузы⁴⁶. Несмотря на незаконность подобной акции, частным хлеботорговцам запрещались закупки зерна без регистрации в органах внутренней торговли, в ходе которой им отводились для заготовок наименее хлебные и наиболее удаленные от железной дороги районы. Иркутский губвнутторг вообще запретил частный хлебозакуп на территории губернии⁴⁷. Частник ставился под гласный контроль милиции и негласный – ГПУ, отслеживающих любые, даже самые малейшие, нарушения правил торговли, вслед за чем налагались крупные штрафы. В конце 1924 г. в Сибири была проведена серия арестов крупных хлеботорговцев⁴⁸.

Деятельность инорайонных государственных и кооперативных заготовителей ограничивалась. Им разрешался только партионный хлебозакуп у основных заготовительных организаций. Вагоны предоставлялись с

разрешения губвнутторгов. Закупленное с превышением лимитов зерно в принудительном порядке поступало одному из основных заготовителей, который расплачивался за него в строгом соответствии с лимитными ценами. Низовая кооперация обязывалась вести закупки исключительно для основных заготовительских организаций или кооперативных объединений. Последним в случае невыполнения ими договоров на поставку хлеба основным заготовителям не подавались вагоны.

В ноябре централизованные хлебозаготовки в Сибири выросли в 2,2 раза, в декабре – еще в 2,7 раза. Всего за последний месяц года основными заготовителями было закуплено 10,6 млн пудов (табл. 1). Доля региона в общероссийском хлебозакупе составила в декабре 23%⁴⁹. Успеху способствовало устранение конкуренции со стороны частных и инорайонных заготовителей и увеличение предложения зерна. Нуждающиеся в деньгах для уплаты налогов и покупки промтоваров крестьяне повезли его на рынок. Тем более, что достаточное количество денег можно было получить только за счет реализации хлеба. Технических культур в регионе производилось мало, маслозаготовки переживали сезонную депрессию, цены на мясо в связи с отсутствием централизованных кредитов на их закупку держались на крайне низком уровне.

Таблица 1

Ход централизованного хлебозакупа в Сибирском крае
в 1924/25—1927/28 гг. (тыс. пудов)*

Месяц	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.
сентябрь	1699	1529	1524	1791
октябрь	1824	5621	9918	7781
ноябрь	3936	5028	14658	5754
декабрь	10644	8184	15295	9855
январь	8074	5431	9866	9083
февраль	6612	5192	11052	20521
март	5205	5874	6038	11666
апрель	4191	4239	4372	2748
май	909	3173	1659	1280
июнь	1698	4400	2798	4157
июль	1461	2431	2089	1043
август	1165	1057	1074	302
итого за год	48603	52160	80244	76015

* ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 60б.; ф. Р-12, оп. 2, л. 32; ф. Р-659, оп. 1, д. 33, л. 162; д. 78, л. 90; д. 174, л. 280; д. 246, л. 140–17; ф. Р-1134, оп. 1, д. 2, л. 37; Жизнь Сибири. 1926. № 2–3. С. 89; № 4. С. 84; Сибирский торговый бюллетень. 1926. 6 июня; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.; 1928. 12 апр.; 31 мая; 15 авг.; 27 сент.

Успешный ход хлебозаготовок в конце 1924 г. на востоке СССР позволил стабилизировать положение на потребительских рынках. Однако уже в январе 1925 г. ситуация вновь ухудшилась. Недовольные низкими закупочными ценами сибирские крестьяне, и прежде всего середняки и зажиточные (беднота к этому времени почти все свое зерно уже реализовала), значительно сократили продажу зерна. Объемы централизованного хлебозакупа упали и в других районах страны. Все это сказалось на снабжении городов, испытывающих острый недостаток в муке. Частник, который мог восполнить недостачу, из межрайонного хлебооборота был фактически устранен.

В связи с этим в правящих кругах страны сложилось мнение, что единственным способом спасения центральных районов от продовольственной катастрофы может быть либерализация рынка,

одним из направлений которой стало снятие административных ограничений деятельности частного капитала. Помимо этого делалась ставка на повышение или даже отмену (по отдельным регионам и продуктам) лимитов закупочных цен. Сохранявшиеся лимиты повышали по первому требованию с мест. Высокопоставленный чиновник Наркомвнутторга СССР в разговоре по прямому проводу с заведующим Сибкрайвнутторгом заявил, что удерживать стабильный уровень цен в создавшихся условиях нельзя («*преступно из-за цены потерять хоть сколько-нибудь хлеба*»)⁵⁰.

Данная политика Центра противоречила установкам сибирских властей, считавших единственно правильными административные методы регулирования, и встретила их активное противодействие. Так, в Сибири не было выполнено датированное концом декабря указание Наркомвнутторга о повышении лимитов на 25%. 15 января Наркомвнутторг предоставил право низовым ссыпным пунктам самостоятельно увеличивать лимиты на 5–10 коп. с тем, чтобы они приобрели свободу маневра и более успешно конкурировали с частником. Хлебное совещание при Сибкрайвнутторге признало данное решение не соответствующим линии краевого руководства и ходатайствовало перед Сибревкомом о приостановлении его действия на территории региона, что последним и было сделано⁵¹.

В начале марта Наркомвнутторг предоставил Сибкрайвнутторгу право повысить действующие лимиты на 25%. В Сибревкоме и Сибкрайвнутторге посчитали столь резкое повышение излишним и, в свою очередь, отправили во все губернии сообщение о том, что там могут «по своему усмотрению» увеличить лимиты на 10%⁵². Однако на местах даже это предложение встретили «в штыки». Так, Томский губисполком считал повышение лимитов «политически» нецелесообразным, поскольку оно являлось выгодным лишь основным держателям хлеба – зажиточным крестьянам и мелким скупщикам, уверенно ожидающим дальнейшего повышения цен. Подобная позиция разделялась партийными и советскими органами других губерний. Более того, губернские руководители настаивали на ужесточении административных методов регулирования рынка. Алтайский губисполком, например, считал необходимым распространение запрета подачи вагонов под частные грузы для вывоза из Сибири на внутрисибирские перевозки⁵³.

Однако Центр продолжал настаивать на отказе от внеэкономических методов и дальнейшем повышении цен. Рассмотрев 5 марта 1925 г. вопрос о хлебном балансе, ЦК ВКП(б) потребовал усиления заготовок в Сибири, для чего признал необходимым

повысить в регионе закупочные цены⁵⁴. На сей раз сибирские власти были вынуждены уступить. Сибкрайком ВКП(б) в телеграмме губкомам партии, сообщая о вышеназванном постановлении ЦК, указал на необходимость повышения лимитов и напомнил, что *«губкомы возражали против повышения, так как это выгодно крепкому крестьянину. Эти соображения надо отбросить. Задача заготовить как можно больше, даже сверх плана, подчините все»*⁵⁵. В итоге лимиты были существенно увеличены.

Но на другие уступки «рыночной стихии» руководители региона идти не собирались. Так, Сибкрайком РКП(б), несмотря на указания В.М. Молотова, настоял на сохранении запрета на вывоз из Сибири хлебных грузов частных и инорайонных организаций. По инициативе Сибкрайвнутторга Наркомвнутторг принял постановление о полном снятии с сибирского рынка инорайонных государственных и кооперативных заготовителей. Не сразу было выполнено в Сибири решение апрельского (1925 г.) пленума ЦК ВКП(б) об отказе от практики лимитирования сельскохозяйственных цен и введения т.н. синдицированных цен, устанавливаемых на местах по соглашению между основными и наиболее крупными местными государственными и кооперативными торгово-закупочными организациями. Сибревком считал целесообразным сохранение на территории края хлебных лимитов вплоть до лета 1925 г.⁵⁶

Весной – летом 1925 г. централизованные хлебозаготовки в Сибири проходили успешно. Месячные планы перевыполнялись. Достичь этого удалось путем постоянного повышения закупочных цен. Если в феврале 1925 г. один пуд пшеницы приобретался основными заготовительскими организациями в среднем за 79 коп., то в марте – за 1 руб. 11 коп., в апреле – за 1 руб. 20 коп., в июне – за 1 руб. 30 коп., один пуд ржи – соответственно за 51 коп., 68, 78 и 87 коп.⁵⁷ Основной выигрыш при этом получали зажиточные крестьяне, которые сумели придержать хлеб и продать его по ценам, почти в два раза превосходящим осенние. Увеличенный в ходе кампании до 49,8 млн пудов годовой план⁵⁸ был в итоге выполнен на 98%. Всего за год основным государственным и кооперативным организациям удалось закупить 48,6 млн пудов хлебопродуктов, что составляло 80–85% всего реализованного на рынке хлеба⁵⁹. В целом по СССР удельный вес централизованного хлебозакупа не превышал 60% от общего объема предложения⁶⁰.

Подготовка к хлебозаготовкам 1925/26 г. разворачивалась в условиях осуществления провозглашенного партийным руководством страны курса «Лицом к деревне», важной составляющей которого являлось углубление экономических («нэповских») методов

регулирования аграрного рынка. Апрельский (1925 г.) пленум ЦК РКП(б) потребовал от местных органов *«решительного устранения пережитков «военного коммунизма» в деревне (например, прекращения борьбы административными мерами против частной торговли, кулачества и т.п.), противоречащих допускаемому в условиях нэпа развитию рыночных отношений в стране»*⁶¹.

Подходы к организации очередной кампании определялись не только новым курсом политики большевистского режима по отношению к крестьянству, но и предполагаемыми размерами урожая зерновых, который обещал быть самым большим за весь послереволюционный период. Высокий урожай, по мнению экспертов, мог привести к падению не только хлебных, но и сельскохозяйственных цен в целом. С целью недопущения подобного государство решило увеличить спрос на хлебопродукты. Была принята широкомасштабная экспортная программа. Увеличивалось число основных заготовителей. Не допускалось навязывание кооперативам договоров на поставку. Снимались ограничения на деятельность инорайонных заготовительских организаций. Отменялись ограничения на кредитование частных. В основу регулирования ценообразования закладывались средние закупочные цены, определяемые Наркомвнутторгом СССР (т.н. директивные цены). Они рассматривались как примерные, вокруг которых государственные и кооперативные заготовители в зависимости от конъюнктуры строили реальные закупочные цены. Отклонение от рекомендованного уровня должно было устраняться экономическими методами. Установление лимитов категорически запрещалось.

От заготовительской кампании 1925/26 г. ожидалось многое. Удачная закупка урожая должна была ускорить темп и размах поступательного развития советской экономики, укрепить доверие крестьянства к власти. Однако оптимистичным прогнозам не суждено было сбыться. Неблагоприятные погодные условия на юге страны в конце лета – начале осени снизили урожайность зерновых и затруднили вывоз хлеба на базары. Спрос превысил предложение. На рынке развернулась конкурентная борьба между государственными заготовителями, кооперацией и частниками. При этом частные торговцы в целом по стране приобретали до четверти, а в ряде районов – до половины всего реализуемого зерна⁶². Месячные планы централизованного хлебозакупа не выполнялись, большая часть закупленного зерна шла на экспорт, и потребительские рынки центральных районов СССР стали ощущать нехватку хлебопродуктов. Оттуда в Сибирь, где зерновых было собрано еще больше, чем в 1924 г.

(увеличение валового сбора в регионе составило 13%⁶³), вновь направились инорайонные государственные и кооперативные торгово-закупочные организации и частники. Следствием их конкуренции с сибирскими заготовочными организациями стало повышение закупочных цен.

Данное положение было признано сибирскими властями ненормальным, и они обязали основных заготовителей заключить конвенцию, в соответствии с которой закупочные цены в октябре должны были снизиться с 99 коп. за пуд до 80–85 коп. на пшеницу и с 60 коп. до 50–55 коп. на рожь⁶⁴. Их повышение без санкции регулирующих органов края впредь не допускалось. Инорайонным государственным и кооперативным организациям самостоятельная закупка продукции на сибирском рынке запрещалась. Как и в прошлом году, этим воспользовались частники, которые приобретали значительную часть крестьянского хлеба. В ответ на это Сибревком 15 октября 1925 г. принял решение перейти к административным методам ограничения деятельности частных хлеботорговцев. Запрещались кредитование торгово-закупочных операций частных лиц, а также оптовая покупка или продажа им продукции⁶⁵. Крайвнутторг обязал местные органы создавать по отношению к частникам *«затруднения по всем линиям – налоговой, складской и т.п., не останавливаясь в случаях жесткой конкуренции применять жесткие административные меры»*⁶⁶. 20 октября был принят запрет на вывоз частного хлеба за пределы региона⁶⁷.

В начале ноября курс на внеэкономические методы ограничения частного хлеботоргового капитала принимает партийно-государственное руководство страны. В соответствии с постановлением СТО от 9 ноября вводилось так называемое экономическое регулирование на железнодорожном транспорте, которое сводилось к запрету межрайонного оборота частных хлебных грузов⁶⁸. Прекращалось авансирование частников. Им фактически запрещалось пользоваться элеваторами и государственными складами. Началась кампания по изъятию государственных мельниц из частной аренды. Итоги деятельности по ограничению частного хлеботоргового капитала в Сибири подвел в своем письме в Наркомвнутторг СССР от 19 января 1926 г. заведующий Сибкрайторготделом И. Решиков: *«Мы их настолько притесняем, что вряд ли работа их может иметь серьезное значение <...> Нами приняты следующие меры: часть частников арестовано. Продолжаем заниматься этим постепенно, изымаем от них мельницы, которые были сданы им в аренду, таскаем в внутторг и пр.»*⁶⁹.

Принимались меры и к централизации кооперативной системы. Нарушения договоров низовых кооперативов с кооперативными союзами или государственными заготовочными организациями должны были преследоваться не только в административном, но и в судебном порядке. Наркомат юстиции РСФСР предлагал рассматривать подобные дела в особо срочном порядке и *«при разрешении означенных дел и избрании судами в отношении лиц, осужденных по этим делам, судебными мерами учитывать всю серьезность их деяний, наносящих тяжелейший вред рабоче-крестьянскому государству»*⁷⁰.

Административное ограничение деятельности частного капитала и инорайонных государственных и кооперативных заготовочных организаций, а также централизация кооперативной системы к улучшению плановых хлебозаготовок не привели. В целом по стране выполнение календарного плана хлебозакупа на 1 января 1926 г. составило 62%⁷¹. В Сибири падение темпа заготовок основных заготовочных организаций началось в ноябре. В декабре 1925 г. зерна было закуплено почти на четверть меньше, чем в декабре не столь урожайного 1924 г. За первые четыре месяца кампании централизованные заготовки составили 22,4 млн пудов, тогда как за это время предполагалось закупить не менее 34 млн пудов⁷².

Главная причина заготовительных трудностей заключалась в задержке реализации зерна со стороны его производителей – крестьян, которых не удовлетворял уровень закупочных цен. Масштабность подобного явления обуславливалась минимизацией экономических стимулов к выходу крестьянства на рынок. В 1925 г. за счет увеличения производства сельскохозяйственной продукции и роста цен на нее доходы жителей деревни возросли. Тратить же все, без остатка, полученные деньги не было необходимости. Промышленных товаров в стране выпускалось значительно меньше, чем требовалось крестьянам, а налоговые платежи в 1925/26 г. по сравнению с 1924/25 г. сократились⁷³.

Перенос первого обязательного срока уплаты сельхозналога на более позднее, по сравнению с предыдущим годом, время⁷⁴ позволил селянам не торопиться с реализацией зерна, а закончив его уборку, приступить к сбору и продаже технических культур, а затем – и продукции животноводства. Именно за счет реализации указанных видов сельхозпродукции крестьяне покрывали свою нужду в деньгах. Зерно же как продукт длительного хранения оставлялось в хозяйстве в надежде на значительное, по примеру прошлого года, весеннее повышение цен на него. Кроме того, за счет улучшения питания и

увеличения использования зерна для кормления животных в крестьянских хозяйствах выросло внутреннее потребление хлеба.

В создавшихся условиях побудить крестьян к увеличению предложения зерна могло только повышение закупочных цен, что и было сделано в большинстве регионов страны⁷⁵. Однако сибирские власти посчитали подобный акт нежелательным. В принятой 29 декабря 1925 г. резолюции бюро Сибкрайкома ВКП(б) указывалось, что сохранение относительно низкого и стабильного уровня цен, показав крестьянам твердость намерений государства, позволит сломить их выжидательную позицию. Кроме того, в этом случае, в отличие от двух предыдущих лет, не проиграет беднота, реализовавшая свое зерно осенью⁷⁶. В составленной на основе решения крайкома директиве Сибкрайисполкома всем окружным исполкомам в связи с этим недвусмысленно заявлялось: *«Сломить сопротивление (выделено мною. — В.И.) крестьянства, понудить его продавать хлеб по приемлемым для государства ценам составляет основную задачу всех исполкомов и самих заготовителей»*⁷⁷.

К контролю за соблюдением установленных цен в крае привлекались не только торговделы, но и парткомы и советы всех уровней, милиция, органы суда и прокуратуры, ОГПУ. С помощью столь многочисленных контролеров отслеживалось любое превышение со стороны основных заготовителей директивных цен, которые, по существу, вновь превратились в твердые лимиты. В результате закупочные цены на хлеб в Сибири оставались стабильно низкими на протяжении всей кампании, начиная с октября.

Естественно, что подобным методом стимулировать крестьян к вывозу зерна можно было далеко не сразу. В январе–феврале 1926 г. заготовки в регионе уменьшались от декады к декаде. За январь хлеба было закуплено на 33%, а за февраль – на 21% меньше, чем за те же месяцы минувшего года (см. табл. 1). Заведующий Сибкрайторготделом 19 января писал в Наркомвнуторг СССР: *«Мужики упорно не желают сдавать хлеб. Зажиточные крестьяне, имеющие по две–три тысячи пудов, хлеб еще не вывозили»*⁷⁸. Более того, состоятельное сибирское крестьянство, твердо рассчитывая на повышение цен весной, расширяло свои запасы зерна, обращая на его закупку часть выручки от реализации продуктов животноводства и технических культур. Хлеб воспринимался ими как наиболее надежный и выгодный объект вложения капитала. Скупка зерна зажиточными крестьянами наблюдалась по всем округам Сибири и достигала значительных размеров. На Барнаульском рынке в некоторые дни января они скупали до 90% всего подвоза⁷⁹. Подобное

поведение крестьян на рынке носило естественный экономический характер. Однако сводки ОГПУ в конце 1925 – начале 1926 г. зафиксировали высказывания сельских жителей, свидетельствующие о том, что многие из них воспринимали задержку реализации зерна как акт сознательного сопротивления политике низких закупочных цен⁸⁰.

Заготовки хлеба в Сибири увеличились лишь в марте. Основные держатели хлеба – зажиточные крестьяне – убедились в том, что цены не повысятся. Им было необходимо накопить двухмесячный запас денег на то время, когда выход на рынок будет затруднен (распутица, весенние полевые работы). Запасов сельхозсырья в крестьянских хозяйствах к весне практически не осталось, а цены на молочно-масляную продукцию понизились.

Стабильно низкий и соответствующий директивному уровень закупочных цен государственных и кооперативных заготовочных организаций в течение второй половины кампании 1925/26 г. оставался специфической чертой хлебного рынка Сибири. Во всех остальных заготовительных районах страны хлебные цены превышали директивный уровень и испытывали от месяца к месяцу значительные колебания. Так, в январе 1926 г. заготовительные цены превосходили директивные на Северном Кавказе на 12%, на Урале – на 16–22, в ЦЧО – на 36–42, в Поволжье – на 48–62, в Южно-Степной Украине – на 48–55, в Левобережной Украине – на 79–88 и в Правобережной Украине – на 209–219%⁸¹. Повышение цен в этих регионах, которые испытывали в хлебе гораздо большую нужду, чем Сибирь, вынужденно использовалось как один из основных методов стимулирования предложения.

Растущие хлебные цены в сочетании с отсутствием конкуренции со стороны частных позволили плановым государственным и кооперативным заготовочным организациям в европейской части страны, начиная с января 1926 г., форсировать заготовки. Месячные планы закупок хлебопродуктов не только выполнялись, но и перевыполнялись⁸². Связанная с этим стабилизация продовольственного положения потребляющих районов позволила Центру поставить вопрос о некоторой либерализации политики регулирования хлебного рынка.

Однако подобная позиция вновь встретила сопротивление сибирских властей. В середине мая Наркомат торговли СССР *«в связи с указаниями высших правительственных органов, а также учитывая, что хлебозаготовительная кампания 1925–26 г. на исходе»*, рекомендовал подведомственным органам *«вести ряд изменений в сторону смягчения приемов экономического регулирования»*. Местные

торготделы должны были сообщить, где и на какие культуры «экономическое регулирование» можно отменить. Сибкрайторготдел обратился за консультацией к основным сибирским заготторганизациям. Реакция последних на подобное предложение было единодушно отрицательной. В конце мая крайторготдел опротестовал решение НКПС о снятии запрета на перевозку по сибирским железным дорогам принадлежащей частникам ржи. Проигнорировали сибирские власти и отмену Наркомторгом в начале июля «экономического регулирования» на водном транспорте. Перевозка частных хлебных грузов по водным путям сообщения разрешалась лишь только для снабжения крупных сибирских городов – Новосибирска и Томска. Аналогичное решение было принято и относительно перевозок частных хлебопродуктов по железным дорогам. Более того, Сибкрайторготдел в начале мая вновь запретил основным заготторганизациям разрешенную было партионную закупку зерна у частных хлеботорговцев⁸³.

Как свою крупную победу сибирские власти восприняли сохранение стабильного низкого уровня цен в течение всей кампании. Об этом, в частности, говорилось в постановлении бюро Сибкрайкома ВКП(б) по итогам хлебозаготовок⁸⁴. Однако победа оказалась пирровой. Несмотря на то, что валовой сбор зерновых вырос в крае в 1925 г. по сравнению с 1924 г. на 36%⁸⁵, централизованные закупки хлеба увеличились всего на 7,3%. На 13% не был выполнен и существенно сокращенный в начале 1926 г. окончательный план хлебозакупа, составивший 60 млн пудов. Выполнение первоначального же заготовительного плана в Сибири (85 млн пудов) составило лишь 61,4%⁸⁶. Всего основные заготторганизации приобрели на территории края 52,2 млн пудов хлебопродуктов⁸⁷.

В других регионах страны заготовки прошли более успешно, чем в Сибири. Окончательно принятый годовой план в целом по СССР был практически выполнен (недовыполнение составило всего 2,6%). Больше годового задания собрали в таких крупных производящих районах, как Северный Кавказ, ЦЧО, Украина⁸⁸. Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы и противоречия. Последний вариант государственного плана был принят практически уже в конце кампании и, по существу, был подогнан к ожидаемому результату. Что же касается первоначального плана, то его выполнение составило всего 75%. А именно под планируемое в начале кампании количество хлеба были рассчитаны и многие другие государственные планы и программы (финансовый, экспортный, импортный, капитального строительства и т.п.). В результате оказался сорванным план экспорта хлебопродуктов. Соответственно сократились размеры

импорта. Пришлось отказаться от ввоза в страну большого количества машин и оборудования. Из-за их недопоставки был существенно снижен план капитального строительства в промышленности⁸⁹.

Хлебозаготовительный кризис 1925/26 г., которого никто не ожидал, породил острую дискуссию внутри партийно-государственного руководства страны. Лидеры левой оппозиции (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Г.Я. Сокольников) расценивали задержку реализации хлеба, которая привела к кризису, как акт вполне осознанного сопротивления политике пролетарского государства со стороны численно выросшей и материально окрепшей сельской буржуазии. Лидеры партийного большинства (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, И.В. Сталин) с данной точкой зрения категорически не соглашались. Задержка реализации хлеба, по их мнению, была естественной позицией большинства крестьянства. Среди спровоцировавших ее причин они называли ошибки в планировании, неблагоприятную конъюнктуру, слабый налоговый нажим на деревню, отсутствие в руках государства достаточных хлебных резервов, конкуренцию со стороны частного капитала, несовершенство государственно-кооперативного заготаппарата.

Оппозиция в 1925—1926 г. потерпела поражение, и соответствующие планирующие и хозяйственные органы положили в основу разработки концепции заготовительной кампании 1926/27 г. точку зрения лидеров партийного большинства. Эта концепция была окончательно оформлена постановлением апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.» и одноименным постановлением СТО⁹⁰. В них был принят курс на полную централизацию государственно-кооперативного торгово-закупочного аппарата и монополизацию хлебной торговли.

В соответствии с указанными постановлениями и подзаконными актами Наркомторга СССР количество государственных заготовительных организаций, которым разрешалась закупка зерна, сокращалось до одной–двух на район. Инорайонным и неплановым организациям запрещалась самостоятельная заготовка. Между госзаготовителями и кооперацией производился территориально-функциональный раздел рынка. Госорганизации могли осуществлять заготовку хлеба, скупая его непосредственно у крестьян в местах массового предложения (на железнодорожных станциях, пристанях, элеваторах, крупных мельпредприятиях), а также путем договоров с кооперативными объединениями.

Непосредственный хлебозакуп у крестьян на селе должны были осуществлять только низовые потребительские и сельскохозяйственные кооперативы. Коопцентрам и объединениям и даже райсоюзам открытие собственных ссыпных пунктов не разрешалось. Любому звену кооперации запрещалась заготовка у частных хлеботорговцев и для частника. Низовые кооперативы имели право заключать договоры о поставке хлеба госзаготовителям только с санкции райсоюзов. Та же система воспроизводилась на последующих ступенях кооперативной иерархии. На органы внутренней торговли возлагалось наблюдение за тем, чтобы все низовые кооперативы и райсоюзы имели договоры с вышестоящими объединениями или госзаготовителями на поставку хлеба. Кооперативные центры также были лишены самостоятельности в сфере заготовок и обязывались выполнять директивы Наркомторга, других руководящих государственных и партийных органов.

Плановые государственные и кооперативные заготовители объединялись в конвенции, одной из основных задач которых было установление закупочных и продажных цен, соответствующих директивному, и контроль за их выполнением. Их превышение строго наказывалось (денежный штраф, закрытие ссыпного пункта, привлечение к уголовной ответственности). Во главе Центральной конвенции и всей хлебозаготовительной государственно-кооперативной системы ставился Наркомторг СССР, получивший исключительно широкие права по руководству. В руках Наркомторга после включения в его состав в начале 1926 г. Наркомата внешней торговли был сосредоточен и экспорт сельхозпродукции.

Сохранялись введенные в конце 1925 г. ограничения на деятельность частного капитала, включая запрет на вывоз хлеба за пределы производящих районов. В наступающем году должно было завершиться изъятие мельпредприятий из частной аренды. Местные органы обязывались ограничить масштабы работы мельниц, находящихся в частной собственности, и не допустить строительства новых.

В 1926/27 г. рыночная конъюнктура способствовала успеху деятельности государственно-кооперативной системы. Осенью в большинстве производящих регионов страны, включая Сибирь, был собран рекордный за время нэпа урожай. Валовое производство зерновых в Сибири увеличилось на 18%⁹¹. Кроме собранного, в крестьянских хозяйствах имелись значительные запасы нереализованного зерна урожая 1925 г. Хлебные цены в этих условиях могли резко снизиться, и крестьяне, чтобы успеть до этого продать

зерно, ускорили его вывоз на рынок. В ряде мест возникло ажиотажное предложение. План централизованного хлебозакупа в регионе в сентябре был перевыполнен в 2,9 раза, в октябре – в 2,3 раза, в ноябре – в 2,4 раза. Всего за первые четыре месяца кампании в Сибири заготовили 41 млн пудов хлебопродуктов (67% годового плана)⁹². И хотя закупочные цены сибирские власти не понизили, хлебозаготовки проходили успешно до февраля 1927 г. Дополнительными стимулами ускоренной реализации хлебопродуктов служили: увеличение налогообложения крестьянства⁹³, снижение закупочных цен на сельхозсырье, улучшение товароснабжения деревни.

Конъюнктура хлебного рынка изменилась весной 1927 г. вследствие осложнения международного положения СССР, вызванного ухудшением англо-советских и советско-китайских отношений. В связи с налетами на советские представительства в Пекине и Лондоне и разрывом дипломатических отношений со стороны Великобритании, убийством полпреда СССР в Варшаве в стране развернулась широкая пропагандистская кампания, призванная показать единство советского народа и его готовность противостоять империалистической агрессии. Рядовой советский обыватель, напуганный возможной войной, начал срочно делать массовые закупки муки. Крестьяне, в том числе и сибирские, стали увеличивать свои страховые запасы. Предложение зерна на рынке снизилось. В результате объемы централизованных заготовок в СССР в мае—июне резко упали. План централизованного хлебозакупа в Сибири в апреле удалось выполнить на 74%, в мае – на 38%⁹⁴.

В создавшихся условиях для покрытия ажиотажного спроса государство было вынуждено израсходовать весь накопленный к этому времени резервный фонд, а начиная с марта, существенно сократить отгрузку зерновых на экспорт. Несмотря на это, в четвертом квартале заготовительного года в большинстве губерний потребляющей полосы ощущались перебои в снабжении мукой. Для того, чтобы хоть как-то стимулировать реализацию зерна, плановым заготовительным организациям пришлось пойти на некоторое повышение закупочных цен.

В связи с заготовительными затруднениями второй половины кампании общегосударственный план хлебозакупа был недовыполнен на 5,3%⁹⁵. Напротив, в Сибирском крае годовое заготовительное задание перевыполнили на 30% за счет более чем успешных осенне-зимних заготовок. В крае, по сравнению с предыдущим годом, закупки хлеба увеличились в полтора раза и составили 80,2 млн пудов⁹⁶.

Удельный вес централизованных заготовок в общем объеме закупок реализуемых на сибирском рынке хлебопродуктов в 1926/27 г.

составил около 90%. Данное обстоятельство позволило заведующему Сибкрайторготделом А.Н. Злобину в своем докладе на втором краевом съезде Советов (апрель 1927 г.) заявить о «практически полном охвате» рынка государственными и кооперативными заготовительными организациями⁹⁷. Вывод о завоевании государством в области сбыта хлеба «почти монопольного положения» применительно к стране в целом был сделан XV съездом ВКП(б)⁹⁸.

Несмотря на весеннюю заминку, результаты кампании 1926/27 г. были признаны вполне успешными. У советского руководства в этой связи создалось впечатление полной и окончательной победы над «рыночной стихией». Казалось, что регулирующие мероприятия, примененные в этом году, настолько эффективны, что при некотором их совершенствовании они могут быть достаточными для решения задач следующего заготовительного года. Гарантией повторения успеха в наступающем 1927/28 г. в Сибири служило продолжающееся увеличение посевных площадей. За год общая площадь посевов зерновых культур в крае выросла на 11%⁹⁹. Не вызывало опасений и то, что за счет снижения урожайности осенью в регионе был собран несколько меньший, чем в 1926 г., объем зерна. По мнению экспертов, это снижение вполне компенсировалось оставшимися нереализованными в предыдущем году запасами хлеба в крестьянских хозяйствах. Оптимистические прогнозы подтверждались ходом хлебозаготовок в конце лета – начале осени 1927 г. В сентябре зерна в Сибири было закуплено на 18% больше, чем в том же месяце минувшего года (см. табл. 1).

Однако в октябре ситуация на хлебном рынке региона резко ухудшилась. Выполнение месячного плана составило 84%, а объем хлебозакупа по сравнению с октябрём 1926 г. снизился на 22%. Ноябрьские заготовки окончились полным провалом. Хлебопродуктов закупили в 2,5 раза меньше, чем в том же месяце прошлого года, а план был выполнен на 52%. Декабрь дал сорокашестипроцентное снижение от уровня 1926 г. при выполнении плана в 66,5%. На 1 января 1928 г. объем хлебозакупа по краю достиг 25,2 млн пудов, что составляло 66,5% от календарного задания¹⁰⁰. В то же время, по мнению экспертов, хлеба в деревне было много. Но крестьяне не желали его продавать в объемах, необходимых государству. Они задерживали реализацию, увеличивая запасы и внутривоспроизводственное потребление зерна. Полномочное представительство ОГПУ по Сибирскому краю в докладной записке, в которой анализировалась ситуация в деревне на конец ноября 1927 г., в связи с этим сообщало: «*Крестьянство всех округов Сибири воздерживается от продажи хлеба*»¹⁰¹.

Резкому снижению объемов реализации зерна способствовал ряд конъюнктурных особенностей 1927/28 г. Повторялась ситуация 1925/26 г., когда в силу более выгодных цен на технические культуры крестьяне предпочитали в первую очередь продавать именно эти продукты. Чтобы побудить крестьян вывезти на рынок хлеб, закупочные цены на технические культуры в масштабах всей страны были существенно снижены. В Сибири это не повлияло на заготовки, однако в европейской части СССР их было закуплено настолько мало, что пришлось отказаться не только от экспорта, но даже возникла угроза остановки ряда предприятий легкой промышленности. Для преодоления создавшейся ситуации заготовительные цены на технические культуры весной 1927 г. вновь существенно подняли. В результате крестьяне расширили их посевные площади, и как только осенью 1927 г. технические культуры были убраны, производители сразу начали их реализацию.

Зимой активизировалась сдача крестьянами мясопродуктов и животноводческого сырья. Неурожай трав создал угрозу бескормицы, и сельские жители усилили забой скота. Однако спрос вырос еще больше. В 1927/28 г. Сибирь впервые была включена в общесоюзный план мясозакупа, и краевые заготовители, дополнительно получив значительные средства, увеличили закупочные цены, которые до того держались на относительно низком уровне. Закупки в крае за октябрь–декабрь 1927 г. превышали закупки того же периода прошлого года: по говядине – на 232%, по баранине – на 521%, по свинине – на 109%. Прирост мясной продукции по основным хлебопроизводящим округам Западной Сибири (Рубцовскому, Омскому и Славгородскому) составлял 400–450%¹⁰². Выгодной для крестьян была и продажа кожсырья. Дефицит промышленных кожтоваров вызвал его активную скупку владельцами кустарных и полукустарных кожзаводов, которые из-за выгоды реализации своей продукции также увеличили закупочные цены.

В результате деревня получала денег столько, что нужда в продаже хлеба у крестьян практически отсутствовала. Размеры сельхозналога по Сибирскому краю в 1927/28 г. несколько снизились¹⁰³. Сельские жители не могли истратить даже те деньги, которые они получали за счет реализации сельхозсырья и мяса. Вновь ухудшилось снабжение деревни промышленными товарами. Товарные запасы в Сибири на 1 октября 1927 г. составляли менее трети от уровня начала октября 1926 г.¹⁰⁴ При этом непропорционально большая доля поступающих в регион промтоваров оседала в городе. Невозможность купить на имеющиеся деньги потребительские товары создавала у крестьян

убежденность в неустойчивости червонца и необходимости увеличения натуральных запасов, в первую очередь зерна. Дополнительным стимулом для этого служили продолжающие распространяться слухи о скором начале войны.

На неудовлетворительный ход хлебозаготовок влияли и низкие, не соответствующие конъюнктуре государственные закупочные цены. Единственно возможным стимулом активизации предложения хлеба могло быть только повышение цен на него. Однако, против всякой логики, заготовительные цены на зерно в Сибири не только не увеличились, но имели тенденцию к снижению. На 1927/28 г. в директивном порядке уменьшалась оплата хлеба более низкого качества, которого из-за особенностей урожая этого года в регионе было значительно больше, чем в предыдущем. Цены же вольного рынка, напротив, росли. Несмотря на изгнание с рынка крупных частных торговцев, покупателей на крестьянский хлеб все равно хватало. Его скупали мелкие частные скупщики, удовлетворяющие местный спрос. Из-за перебоев в централизованном снабжении муку и зерно непосредственно на базарах в больших количествах закупали городские жители.

Планы централизованного хлебозакупа не выполнялись не только в Сибири, но и в большинстве других производящих регионов страны. Значительная недозаготовка сказалась на снабжении потребляющих районов. Ситуацию осложняла неэффективность работы государственно-кооперативного торгового аппарата. Дефицит хлебопродуктов в ряде губерний европейской части страны ощущался даже в самые удачные для заготовок месяцы 1926/27 г. В декабре государственные хлебные резервы были практически исчерпаны. Перебои в снабжении распространялись на все новые и новые районы. На XV съезде ВКП(б) положение, сложившееся в сфере хлебозаготовок, было названо кризисом¹⁰⁵.

Необходимо было принимать срочные меры по его преодолению. Возможность повышения цен категорически отвергалась. Закупки за границей зерна и промтоваров требовали времени и к тому же затрудняли выполнение индустриальной программы, которой руководители Советского государства на сей раз (в отличие от 1925/26 г.) поступаться не желали. В этих условиях усилился административный нажим на местные власти. Тон директив из Центра становился все более угрожающим. 6 января руководители местных органов были предупреждены, что если они не добьются в кратчайшие сроки перелома в хлебозаготовках, то будут сняты с занимаемых должностей¹⁰⁶.

После получения угрозы деятельность сибирского руководства в сфере хлебозаготовок резко активизировалась. 11 января Сибкрайисполком в соответствии с принятым за день до этого решением бюро Сибкрайкома ВКП(б) образовал краевую «хлебную тройку» в составе первого секретаря крайкома С.И. Сырцова, председателя крайисполкома Р.И. Эйхе и заведующего крайторготделом А.Н. Злобина¹⁰⁷. Решения «тройки» передавались окружкомам как решения Сибкрайкома и вступали в силу автоматически. В течение января подобные «тройки» возникли в округах и районах. В округах в срочном порядке в качестве уполномоченных командировались ответственные работники из краевых, партийных, советских и хозяйственных органов. Из окружных центров уполномоченные направлялись в районы, из районных центров – непосредственно в деревни.

Начался активный поиск виновных в продолжающихся заготовительных трудностях. Вначале ими объявили работников государственных и кооперативных заготовительных организаций. Многих из них уволили и привлекли к судебной ответственности за нарушение правил торговли, конкуренцию, превышение директивного уровня цен.

13 января 1928 г. из крайпрокуратуры и полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю на места была разослана директива¹⁰⁸ о привлечении к суду по 107 статье УК РСФСР¹⁰⁹ мелких скупщиков зерна и владельцев мельниц. Данные уголовные дела должны были проводиться немедленно, вне всякой очереди, с наложением сразу же после их возбуждения ареста на весь имеющийся у обвиняемых хлеб. Одновременно усиливался административный нажим на крестьян, не выплачивающих в срок обязательных платежей и, прежде всего, сельхозналога. В рамках усиления нажима на недоимщиков окружные исполкомы края, по требованию краевых властей, пошли на существенное ускорение процедуры изъятия имущества в счет погашения недоимки¹¹⁰.

Дав команду на применение репрессий против недоимщиков, мелких скупщиков и работников заготовительных организаций, руководители Сибири, судя по всему, прекрасно осознавали паллиативность этих мер. Многие партийные и советские функционеры региона считали, что заготовительный кризис можно преодолеть, лишь применив силу против зажиточных крестьян, а в ряде мест начали ее применять. Так, секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б), отчитываясь «об усилении работы по хлебозаготовкам» за период с 12 по 16 января, информировал крайком, что *«в отношении крупных держателей хлеба – кулаков начинают местами применяться и такие меры понуждения,*

как персональный нажим, отобрание подписок о добровольной продаже хлеба»¹¹¹.

Однако масштабы давления на зажиточное крестьянство сдерживались отсутствием соответствующей законодательной базы, а также опасениями быть обвиненными в проведении антиэнэповской, а следовательно – антипартийной позиции. С.И. Сырцов в своем выступлении на пленуме Сибкрайкома (3–7 марта 1928 г.), ретроспективно воспроизводя ситуацию начала января, говорил: *«Такое мероприятие, как необходимость удара по кулаку, было ясно для нас с самого начала. Имея цифры и учтя целый ряд фактов саботажа кулаков, мы считали необходимым поставить вопрос о том, каким образом мы можем сдвинуть это дело»¹¹²*. И этот вопрос был поставлен еще в телеграмме от 9 января, в которой бюро Сибкрайкома просило Центр дать добро на привлечение *«к уголовной ответственности держателей крупных запасов хлеба и его скупщиков из числа особо зажиточных слоев деревни»*, для *«ускорения»* пропуская эти дела через органы ОГПУ¹¹³.

Опасения местных руководителей были дезавуированы в утвержденной 14 января Политбюро и подписанной И.В. Сталиным циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б). Мнение о том, *«что нельзя трогать скупщика и кулака, т.к. это может отпугнуть от нас середняка»*, определялось в ней как *«самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющихся в головах некоторых коммунистов»¹¹⁴*. В телеграмме ЦК также подчеркивалась особая роль Сибири в хлебозаготовках и сообщалось о выезде туда И.В. Сталина¹¹⁵.

Под влиянием директивных указаний ЦК бюро Сибкрайкома 17 января поручило органам ОГПУ провести в каждом сельском районе аресты от 4-х до 10-ти крупных деревенских держателей хлеба – *«кулаков»¹¹⁶*. Приехавший на следующий день в Новосибирск И.В. Сталин поддержал краевое руководство, указав лишь на то, что производить аресты *«кулаков»* нужно не по линии ОГПУ, а в *«законном порядке»* на основании 107 ст. УК, которая, по его мнению, вполне применима в данном случае, поскольку, помимо прочего, предусматривает наказание за *«невыпуск товаров на рынок»¹¹⁷*. Сталинское предложение было оформлено 18 января решением бюро Сибкрайкома ВКП(б)¹¹⁸. Санкционировав применение в Сибири ст. 107 УК РСФСР к зажиточным крестьянам, не только скупающим, но и задерживающим реализацию произведенного ими же зерна, И.В. Сталин сообщил об этом в Центр и тем самым фактически распространил подобную практику на другие регионы страны¹¹⁹.

Пробывший в регионе около трех недель генеральный секретарь ЦК ВКП(б) в своих выступлениях основной причиной заготовительного кризиса называл позицию кулаков, утверждая, что они обладают значительными запасами хлеба («по 50–60 тыс. пудов на каждое хозяйство») и не желают его сдавать, ожидая повышения цен¹²⁰. Действительно, зажиточные слои сибирской деревни реализовали к этому времени лишь незначительную часть запасов зерна. Но подобное поведение было для них обычным. Зажиточные крестьяне почти всегда продавали основную массу своего хлеба в конце зимы – начале весны. Осенью и в начале зимы зерно должны были вывозить на рынок бедняки и середняки. Беднота, на долю которой, согласно официальной статистики, приходилось не более 4% товарных запасов хлебопродуктов, влиять на ход заготовок не могла. Заготовительный кризис стал следствием отказа от реализации хлеба прежде всего среднего крестьянства, в хозяйствах которого в начале кампании сосредоточивалось около трех четвертей товарного зерна¹²¹.

Нам представляется, что и генсек, несмотря на его публичные утверждения, и сибирские лидеры это прекрасно понимали и, направляя удар против кулачества, метили в первую очередь в среднее крестьянство. Если судить по словам С.И. Загуменного, приглашенного на заседание бюро Сибкрайкома 18 января 1928 г., на котором было утверждено сталинское предложение о применении 107 ст., то его участники без обиняков рассчитывали на *«создание морального эффекта в массах середняка»* и указывали на то, что *«нажим на кулака заставит середняка повезти хлеб на рынок. Средняк скажет: “Вот это – власть. С ней шутить нельзя. Она требует исполнения своих законов”»*¹²². Впрочем, иногда дело не ограничивалось лишь демонстрацией силы, а доходило до прямых антисередняцких репрессий. Так, «хлебная тройка» Кузнецкого округа дала указание районным властям о привлечении к уголовной ответственности по 107 статье не только «кулаков», но и середняков (по два на район)¹²³.

На 15 марта по ст. 107 УК РСФСР в Сибирском крае было осуждено 1 044 чел., у которых конфисковали 680,7 тыс. пудов хлеба (в среднем 652 пуда на одно хозяйство), 45 домов, 68 амбаров, 78 мельниц и другое имущество, вплоть до запрещенных к изъятию по действующему законодательству предметов домашнего обихода. 771 осужденных в отчете крайсуда было названо кулаками, 211 – «крупными держателями хлеба», 55 – середняками, 6 – бедняками¹²⁴.

Кроме применения 107 ст. местные органы проводили конфискацию хлеба без судебных решений, закрывали базары, запрещали внутридеревенскую торговлю сельхозпродукцией,

производили массовые обыски с целью выявления излишков. Следует отметить, что подобного рода никем не санкционированные самоуправные действия сельских функционеров, затем квалифицированные как «перегибы», во многом провоцировались давлением на них со стороны окружного и краевого начальства. Невыполнение разверстанных на районы и села заготовительных заданий могло служить основанием для наказания сельских партийных и советских работников в административном порядке, снятия с работы, исключения из партии, привлечения к судебной ответственности по статье 111 (за «бездействие» или «халатное отношение» к служебным обязанностям) УК РСФСР.

Помимо «законных» и самоуправных репрессий в качестве меры для стимулирования заготовок использовалась пропагандистская обработка, масштабы которой существенно увеличились. С тем, чтобы расколоть крестьянство, власти разжигали в деревне социальные конфликты. Четверть конфискованного «кулацкого» хлеба в форме долгосрочных продовольственных и семенных ссуд передавалась бедноте.

Усилился финансовый нажим на деревню. Проводилась кампания по срочному погашению задолженности сельских жителей по кредитам, страховым платежам, оплате за землеустройство и т.п. На более раннее время сдвигались обязательные сроки сдачи сельхозналога¹²⁵. В директивном порядке снижались закупочные цены на мясо, животноводческое сырье, технические культуры. Для увеличения объемов вывоза зерна из края было принято решение о сокращении планов внутрисибирского снабжения.

Следствием применения комплекса репрессивных и административных мер стало временное преодоление хлебного кризиса. Крестьяне существенно увеличили продажу хлеба государственным и кооперативным заготовителям. В феврале 1928 г. в Сибири было заготовлено рекордное для этого месяца количество зерна – 20,5 млн пудов (186% от уровня февраля 1927 г.). В марте объем хлебозакупа превысил показатель марта 1927 г. почти вдвое. В целом за январь–март 1928 г. государственные и кооперативные заготовители закупили 41,3 млн пудов хлебопродуктов. Это составляло половину от годового плана и превышало объем хлебозаготовок первых четырех месяцев кампании в 1,6 раза. К 1 апреля годовой план в регионе был выполнен на 81%¹²⁶.

В апреле темпы хлебозаготовок резко снизились. Хлеба в крае было закуплено в 4,2 раза меньше, чем в марте. Установленное для Сибирского края месячное заготовительное задание в размере 7 млн

пудов было выполнено всего лишь на 39%¹²⁷. Падение объемов хлебозакупа, помимо распутицы, объяснялось практическим исчерпанием в ходе февральско-мартовских заготовок товарных запасов зерна у зажиточных крестьян, которые в предыдущие годы составляли основной контингент апрельских продавцов хлеба.

К тому же в апреле фактически прекратилось силовое давление на деревню. Размах репрессивной деятельности местных партийных и советских органов власти в январе–марте как в Сибири, так и в других регионах СССР был настолько широк, что вызвал крайне негативную реакцию большинства крестьян, включая тех из них, кто служили в армии. С тем, чтобы стабилизировать политическую ситуацию, было решено пойти на прекращение чрезвычайных методов проведения хлебозаготовок. На принятии подобного решения также сказалось приближение весеннего сева. Местные власти вполне резонно опасались, что реакцией крестьян на продолжающийся нажим может стать сокращение посевной площади.

7 апреля от имени Сибкрайкома ВКП(б) и крайисполкома в адрес окружных комитетов компартии и исполкомов телеграфом была направлена директива, которая предписывала перенести *«центральное внимание всей парторганизации, советских [и] кооперативных организаций и аппаратов на проведение посевной кампании»*, «немедленно» прекратить применение 107 ст. УК¹²⁸. Проходивший в это же время в Москве (6–11 апреля) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) в резкой форме осудил *«извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов»*, и потребовал их «категорической отмены», «немедленной ликвидации» и «объявления им самой решительной борьбы»¹²⁹. Тем более, что проходил пленум в условиях, когда с помощью осуждаемых с высокой трибуны «извращений и перегибов» ситуацию с хлебозаготовками удалось существенно улучшить. Централизованный хлебозакуп по СССР в январе–марте 1928 г. превышал показатель октября–декабря 1927 г. в 1,8 раза, а выполнение годового плана по заготовкам зерновых на 1 апреля составляло 85%¹³⁰. Применение чрезвычайных мер в связи с этим можно было и отменить.

Однако уже 25 апреля в условиях постоянно снижающихся темпов заготовок Политбюро в своей директиве осудило *«демобилизационные настроения»* местных партийных и советских органов, которые *«вместо безусловно необходимого устранения перегибов»* пошли на *«полный отказ от мер нажима в отношении верхушки деревни»*, и потребовало возобновить применение 107 ст.¹³¹

Сверхнормативный вывоз зерна из Сибири в условиях снижающихся объемов заготовок вызвал кризис снабжения городов региона. Хлебные цены на городских базарах с февраля по май увеличились почти в два раза¹³². Но хлеба не хватало и в самой деревне. Особенно страдала от его недостатка беднота. Следствием нехватки хлеба были прокатившиеся по Сибири открытые выступления протеста сельских жителей, основными участниками которых стали крестьянки (т.н. «бабы волынки»).

Резкое сокращение заготовок произошло и в других хлебопроизводящих районах страны. В очередной раз обострилось снабжение потребляющих центров. В зерне для пересева погибших озимых нуждались Северный Кавказ и Украина. В создавшихся условиях большевистский режим решил еще более ужесточить давление на деревню. В регионы «для усиления хода хлебозаготовок» в качестве уполномоченных вновь направлялись члены ЦК ВКП(б). В Сибирь прибыл секретарь ЦК С.В. Косиор, потребовавший от сибирского руководства неукоснительного выполнения разверстанного на край заготовительного задания на июнь¹³³.

Усилившееся давление на сельских функционеров, обвиняемых в бездействии, спровоцировало еще большую, чем в начале года, волну «перегибов». На местах в ход вновь пошли продразверсточные методы заготовок: подворный обход всех крестьян, проверка амбаров, повальные обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех хозяйств. Крестьян заставляли сдавать страховые и даже необходимые продовольственные запасы. В результате централизованный хлебозакуп в крае в июне увеличился по сравнению с предыдущим месяцем более, чем в 3,2 раза (см. табл. 1).

Обострение политического положения в деревне и внутривластная борьба стали причиной принятия на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) решения о свертывании чрезвычайных методов изъятия зерна. Объемы централизованного хлебозакупа вновь резко упали. Причем на результаты августовских заготовок существенно не повлияло повышение государственных закупочных цен. Это доказывает практически полное исчерпание товарных запасов зерна у сибирских крестьян. В итоге с сентября 1927 г. по август 1928 г. включительно в Сибирском крае в централизованном порядке заготовили 76 млн пудов хлебопродуктов¹³⁴. Принятый в размере 83 млн пудов¹³⁵ годовой план по региону в целом был выполнен на 93%.

Таким образом, политика большевистского режима в сфере регулирования рыночных заготовок хлебопродуктов в период нэпа прошла ряд специфических этапов. В период с весны по осень 1921 г.

государство осуществило неудавшуюся попытку передать монополию на межрегиональный вненалоговый хлебооборот потребительской кооперации, которой диктовались как способы заготовок (товарообмен), так и уровень цен (обменных эквивалентов). С осени 1921 по лето 1922 г. была проведена либерализация цен и демомонополизация рынка. Содержание политики государственного регулирования рынка с лета 1922 г. по осень 1925 г. характеризуется рядом в целом безуспешных попыток его ремонополизации, административного устранения частника и перехода к директивному уровню образования цен. При этом постоянно усиливалась централизация государственно-кооперативного заготовительного аппарата и увеличивалась его доля в хлебозакупе. В конце 1925 – 1927 гг. произошло внеэкономическое вытеснение частного капитала сначала из межрегионального, а затем и внутрирегионального оборота, монополия на закупки хлебопродуктов перешла в руки жестко централизованного государственно-кооперативного аппарата, рыночный механизм ценообразования окончательно заменен директивным. В Сибири политика ремонополизации рынка проводилась более последовательно, чем в других регионах. Структуры партийного, государственного и хозяйственного управления краем периодически инициировали мероприятия по утверждению административных методов регулирования и торпедировали попытки либерализации рынка со стороны Центра.

Заготовительная система, основанная на фактической монополии государственно-кооперативного аппарата и директивном ценообразовании, в 1927/28 г. показала свою полную несостоятельность. Небольшое снижение производства зерновых в сочетании с ценовым волонтаризмом вызвало острый хлебозаготовительный кризис. Выход из создавшегося положения мог быть найден в возврате к экономическим методам регулирования сельскохозяйственного рынка. Однако лидеры большевистского режима сделали выбор в пользу усиления административных методов, периодически сочетавшихся с репрессиями против крестьян, не желающих продавать произведенную продукцию государству. Своеобразным полигоном антикрестьянских репрессий стала Сибирь.

---

¹ Обмен относительно незначительных объемов зерна осуществлялся в рамках предоставления и возврата семенных ссуд.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 370–371.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 213.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 149.

⁵ Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 220–221, 223–224.

⁶ РГАЭ, ф. 484, оп. 1, д. 196, л. 47.

⁷ См.: СУ РСФСР. 1921. № 58. Ст. 377.

⁸ Союз потребителей. 1921. № 25–26. С. 12; Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 71.

⁹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917 – 1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 99.

¹⁰ Там же. С. 98; Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций по развитию советской торговли в первые годы нэпа (1921—1923 гг.). Томск, 1976. С. 44.

¹¹ СУ РСФСР. 1921. № 58. Ст. 403; № 68. Ст. 527; № 72. Ст. 576.

¹² Союз потребителей. 1921. № 25–26. С. 13.

¹³ СУ РСФСР. 1921. № 72. Ст. 574.

¹⁴ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 71.

¹⁵ Хенкин Е.М. Первая продналоговая кампания в Сибири // Вопросы истории Сибири. Вып. 1. Томск, 1964. С. 116; Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири. 1922—1923 гг. Новониколаевск, 1923. С. 362; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923. М., 1924. С. 124.

¹⁶ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 53.

¹⁷ Экономическая жизнь. 1922. 23 июня; Продовольственная газета. 1922. 7 февр., 4 марта; СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 155.

¹⁸ Бюллетень Сибирского отделения Центросоюза. 1923. 23 янв.

¹⁹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 103, 104.

²⁰ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 2.

²¹ Цит. по: Павлова И.В. Становление партийно-аппаратной системы в СССР // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 87.

²² Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 48.

²³ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 131.

²⁴ Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 31.

²⁵ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 754, л. 1.

²⁶ Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 124; Продовольственная газета. 1922. 2 нояб.

²⁷ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 839, л. 52.

²⁸ Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 12.

²⁹ СУ РСФСР. 1922. № 77. Ст. 966.

³⁰ Жизнь Сибири. 1923. № 4-5. С. 31.

³¹ Народное хозяйство СССР за 1922–23 год: Стат.-экон. ежегодник. М., 1924. С. 87; Экономическая жизнь. 1922. 26 окт.; Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925. Сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 365.

³² Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 63, 64.

³³ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С. 131; Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам на 1926—1927 гг. Новосибирск, 1926. С. 110.

³⁴ Вайнштейн А.Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922–24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 29.

³⁵ Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 41.

³⁶ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 136, л. 5.

³⁷ Сибкрайсоюзом было приобретено 4 616 тыс. пудов, «Сибхлебопродуктом» – 4 326 тыс., Сибсельскоюзом – 1 139 тыс., губсоюзами потребкооперации – 3,4 млн пудов, Сибмелъпродом – около 1 млн пудов, Сибторгом – 500 тыс. пудов, другими, более мелкими государственными и кооперативными заготовительными организациями, – не менее 300 тыс. пудов. — Хлебный рынок. 1925. № 15. С. 44; Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 77.

³⁸ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 297; д. 288, л. 516; Жизнь Сибири. 1926. № 5–6. С. 4; Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 68.

³⁹ СЗ СССР. 1925. № 14. Ст. 112; Хлебный рынок. 1924. № 16–17. С. 1.

⁴⁰ Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам... С. 110.

⁴¹ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 2, л. 177, 339; д. 3, л. 29.

⁴² Хлебный рынок. 1925. № 11. С. 13; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 313, л. 5; д. 174, л. 282.

⁴³ ГАНО, ф. Р-288, оп. 1, д. 219, л. 46; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 116.

⁴⁴ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 78, л. 90; д. 174, л. 279; ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 60б.

⁴⁵ РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 23а, л. 79.

⁴⁶ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 196, 265.

⁴⁷ Хлебный рынок. 1924. № 5–6. С. 53.

⁴⁸ См.: Ильиных В.А. Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2.

⁴⁹ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 88.

⁵⁰ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1457, л. 5; оп. 2а, д. 53, л. 6; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 134; ф. Р-659, оп. 1, д. 287, л. 130.

⁵¹ ГАНО, ф. Р-1, оп. 1, д. 1457, л. 5, 6.

⁵² Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 243, л. 118; ф. Р-1, оп. 2а, л. 85.

⁵³ Там же, ф. Р-1, оп. 2а, д. 53, л. 84, 650б., 89; ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 143.

⁵⁴ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 144.

⁵⁵ Там же, л. 143.

⁵⁶ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 165, 170, 171, 172; ф. Р-659, оп. 1, д. 313, л. 82, 84; РГАЭ, ф. 5240, оп. 4, д. 58, л. 40.

⁵⁷ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 174, л. 282–283.

⁵⁸ Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 1458, л. 6, 60б., 90б; ф. Р-659, оп. 1, д. 157, л. 169; д. 174, л. 280.

⁵⁹ «Сибхлебопродукт» в 1924/25 г. закупил 16 156 тыс. пудов, Сибкрайсоюз – 15 658 тыс., Госбанк – 4 923 тыс., Сибгосторг – 3 624 тыс., Сибсельскоюз – 3 523 тыс., Сибторг – 3 257 тыс., транспортная кооперация – 1 199 тыс., Масложирсиндикат – 261 тыс. пудов. — Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 116

⁶⁰ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 95.

⁶¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 3. М., 1984. С. 341.

⁶² Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 109.

⁶³ Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам... С. 110.

⁶⁴ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 246, л. 124, 140.

⁶⁵ Там же, д. 285, л. 2–3.

⁶⁶ Там же, д. 288, л. 647.

⁶⁷ Там же, д. 285, л. 5.

⁶⁸ См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 116–119.

⁶⁹ ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 314, л. 125.

⁷⁰ ГАРФ, ф. А-410, оп. 1, д. 5, л. 143.

⁷¹ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 120.

⁷² ГАНО, ф. Р-12, оп. 1, д. 6, л. 77; ф. Р-659, оп. 1, д. 33, л. 162; д. 174, л. 280; оп. 2, д. 26, л. 89.

⁷³ Сибирские крестьяне внесли в 1925/26 г. в счет сельхозналога сумму в 1,5 раза меньшую, чем в предыдущем. — Отчетные данные о деятельности финорганов Сибири за 1923–24 и 1924–25 гг. Новониколаевск, 1925. С. 13; Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 171.

⁷⁴ В 1924/25 г. первый обязательный срок внесения сельхозналога (20% годового оклада) для Сибири был установлен на 1 ноября 1924 г. В 1925/26 г. крестьяне на большей части территории края обязаны были до 1 декабря 1925 г. (1-й обязательный срок) должны были уплатить 30% от общей суммы налога. Для жителей Иркутской губернии этот срок переносился на 15 декабря. — ГАНО, ф. Р-1052, оп. 1, д. 663, л. 416; ф. Р-6, оп. 1, д. 1085, л. 159.

⁷⁵ См.: Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 106, 133.

⁷⁶ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 62, л. 15.

⁷⁷ Там же, ф. Р-1, оп. 2а, д. 53, л. 142.

⁷⁸ Там же, ф. Р-659, оп. 1, д. 314, л. 162.

⁷⁹ Там же, оп. 2, д. 28, л. 499.

⁸⁰ Там же, оп. 1, д. 286, л. 488; ф. П-2, оп. 2, д. 21, л. 239.

⁸¹ РГАЭ, ф. 8151, оп. 1, д. 40, л. 5, 24, 123.

⁸² Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 133, 135.

⁸³ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 11, л. 406, 411–416, 443, 451.

⁸⁴ Там же, ф. П-2, оп. 1, д. 1137, л. 1.

⁸⁵ Народное хозяйство Сибирского края по контрольным цифрам... С. 107.

⁸⁶ Жизнь Сибири. 1926. № 5–6. С. 4; ГАНО, ф. Р-12, оп. 1, д. 6, л. 77; ф. Р-659, оп. 1, д. 33, л. 162.

⁸⁷ «Сибхлебпродукт» в 1925/26 г. закупил 15 250 тыс. пудов, Сибкрайсоюз – 16 298 тыс., Госбанк – 1 138 тыс., Сибгосторг – 1 403 тыс., Сибсельскосоюз – 11 451 тыс., Сибторг – 4 221 тыс., транспортная кооперация – 11 056 тыс., мельтресты – 832 тыс., Масложирсиндикат – 510 тыс. пудов. — ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 259, л. 91.

⁸⁸ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 137–138.

⁸⁹ Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 261–262; Экономическое обозрение. 1926. № 7. С. 5–10.

⁹⁰ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 4–6; ГАНО, ф. Р-659, оп. 1, д. 286, л. 307–312.

⁹¹ Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 312.

⁹² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.

⁹³ Выплаты по сельхозналогу в 1926/27 г. выросли в Сибири по сравнению с 1925/26 г. на 42%. — Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 171.

⁹⁴ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.

⁹⁵ Ильиных В.А. Коммерция на хлебном фронте. С. 173

⁹⁶ «Сибхлебопродукт» в 1926/27 г. закупил 24 537 тыс. пудов, Сибкрайсоюз – 25 987 тыс., Сибсельскосоюз – 21 828 тыс., Сибторг – 6 971 тыс., мельтресты – 794 тыс., Масложирсиндикат – 128 тыс. пудов. — Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.

⁹⁷ Советская Сибирь. 1927. 6 апр.

⁹⁸ КПСС в резолюциях... Т. 4. М., 1984. С. 293.

⁹⁹ Сибирский край. С. 274

¹⁰⁰ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 161, 161об.

¹⁰¹ Там же, ф. Р-6, оп. 2а, д. 7, л. 86.

¹⁰² Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1928. № 6. С. 13; Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 26.

¹⁰³ Общая сумма сельхозналога в регионе в 1927/28 г. уменьшилась по сравнению с предыдущим на 8%. — Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 171.

¹⁰⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 354, л. 18.

¹⁰⁵ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. Ч. II. С. 858.

¹⁰⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 193–195.

¹⁰⁷ ГАНО, ф. Р-47, оп. 5, д. 68, л. 240, 202.

¹⁰⁸ Там же, л. 172.

¹⁰⁹ Принятая в 1926 г. ст. 107 УК РСФСР имела следующее содержание: *«Злостное повышение цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок [влечет] лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. Те же действия при установлении наличия сговора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества»* (Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 65). До начала 1928 г. данная статья в судебной практике фактически не применялась.

¹¹⁰ ГАНО, ф. Р-6, оп. 1, д. 968, л. 232.

¹¹¹ Там же, ф. П-2, оп. 2, д. 289а, л. 9об.

¹¹² Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) 3–7 марта 1928 г. Стеногр. отчет. Новосибирск, 1928. С. 132.

¹¹³ Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопр. истории КПСС. 1991. № 1. С. 71.

¹¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195–196.

¹¹⁵ 9 января Политбюро ЦК ВКП(б) принял решение о командировании в Сибирь Г.К. Орджоникидзе, однако последний, по официальной версии, заболел, и в Сибирь отправился И.В. Сталин.

---

¹¹⁶ ГАНО, ф. П-2, оп. 1, д. 2571, л. 307.

¹¹⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

¹¹⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 153.

¹¹⁹ Там же. С. 201-202.

¹²⁰ См. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 2.

¹²¹ Гущин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928—1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 154.

¹²² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

¹²³ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 464об.

¹²⁴ Там же, л. 292об-293, 559-560.

¹²⁵ Третий обязательный срок сдачи сельхозналога (85% от годового задания) переносился с 1 февраля на 15 января; четвертый, последний, срок (100%) – с 1 апреля на 15 февраля. — ГАНО, ф. Р-47, оп. 1, д. 607, л. 12.

¹²⁶ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.; 1928. 12 апр.

¹²⁷ Там же. 12 апр.; ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 616.

¹²⁸ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1, д. 29, л. 556.

¹²⁹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 317.

¹³⁰ Ежегодник хлебной торговли. № 2: 1927–28. М., 1929. С. 4.

¹³¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 261–262.

¹³² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 марта; 1 апр.; 28 июня.

¹³³ ГАНО, ф. П-2, оп. 2, д. 217, л. 738.

¹³⁴ «Сибхлебопродукт» в 1927/28 г. закупил 13 987 тыс. пудов, Сибкрайсоюз – 34 891 тыс., Сибсельскосоюз – 22 500 тыс., Сибторг – 3 784 тыс., мельтресты – 130 тыс., Масложирсиндикат – 176 тыс. пудов. — Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 27 сент.

¹³⁵ ГАНО, ф. Р-1073, оп. 1, д. 37, л. 4.